

Николай Васильевич Нарышкин (Махотин)

ДОБРЫЕ СУРСКИЕ СКАЗКИ

Издание 2-е, расширенное

Казань
Издательство «Дом печати»
2005

ББК 84Р4
УДК 882
Н28

Нарышкин (Махотин) Николай Васильевич

Н28 **Добрые Сурские сказки.** — Казань: Изд-во «Дом печати», 2005 г. — 65 с.

Николай Васильевич Нарышкин (Махотин) — профессор Казанского государственного технического университета (КАИ) им. А. Н. Туполева, член Союза писателей России, академик Российской Академии Гуманитарных Наук, известный подвижник и общественный деятель, публицист, краевед, заслуженный работник культуры Российской Федерации и Республики Татарстан. Публиковался во многих газетах и журналах. Он автор около 400 работ.

В 1998 г. вышла из печати книга Н. В. Нарышкина (Махотина) «Махотин извоз», в 1999 г. — «Мятущаяся Россия», в 2000 г. — «Священная Сура», в 2002 г. — «Кадышевский эпос», «Разговор Праведника с нечестивцем», в 2004 г. — «Русский дневник. Том 1», «Сад Отца. Этюды крестьянской жизни», «Зов земли предков», «Трудная жизнь Русского Крестьянина», «Алексея Степанович Хомяков», «Паломничество родного сына Святой Руси к Русским святыням и Русским святым». Эти фундаментальные многоплановые книги тепло встречены общественностью России, земляками автора, тысячами его читателей и почитателей.

В периодической печати Москвы, Татарстана, Чувашии, Ульяновской области, Мордовии и других регионов России опубликовано только за 1998—2005 гг. более двухсот пятидесяти книг, брошюр, статей, заметок, посвященных творчеству и подвижничеству Н. В. Нарышкина (Махотина). В 2003 году вышли из печати книга «Паломник Русского духа. Жизнь, творчество, подвижничество Н. В. Нарышкина (Махотина)», в 2005 году — книга «Патриот Земли Российской. О Н.В.Нарышкине» и сборники стихов, посвященных Н. В. Нарышкину: Ларисы Тимушевой «Посвящения паломнику Русского духа Николаю Васильевичу Нарышкину (Махотину)» и коллектива авторов «В сиянии Кадышевского Солнышка. Поэтический венок подвижничеству Николая Васильевича Нарышкина».

Николай Васильевич Нарышкин — крупный знаток и исследователь философии, экономики, истории, культуры Русской Цивилизации и жизни Русского Крестьянина.

Николай Васильевич Нарышкин родился 12 июня 1938 г. на берегу Священной реки Суры, в старинном русском селении Кадышеве-Покровском (коему 400 лет) Карсунского района Ульяновской области в трудовой крестьянской семье Василия Ивановича (1904—1985) и Анны Михайловны (1903—1990) Нарышкиных.

© Н.В.Нарышкин (Махотин), 2005

ЗАМАНИХА, или Возвращение к родникам кадышевского Посурья

Какую ж сказку? Выберу смиренно
Не из таких, где грозная вражда
Царей и царств, и гром, и крик военный,
И рушатся престолы, города.
Возьму попроще, где б я беззаботно
Предаться мог фантазии моей
И было б нам спокойно и вольготно,
Как соловью в тени густых ветвей...

Н. М. Языков

Однажды, когда обвораживающе-дразняще светило апрельское солнце, а по земле стелились густые призывные запахи весны и во всем живом мире начиналась несусветная канитель, мой четырехлетний внук Андрюша на серой неумытой морщине еще не согретого асфальта вдруг заметил... двух каких-то на вид никудышненьких, вконец изморенных и измотанных долгой голодной зимой малюсеньких живых существ, торопливо спешивших куда-то. Это были муравьи.

По-особому степенно и осторожно, почти не дыша, Андрюша разглядывал до сих пор для него незнакомое это творение живой природы. Опомнившись от нечаянно нахлынувших на него чувств, внук тихо спросил меня: «Дедуля, кто это, откуда и зачем они?» Его вопрос тут же перенес меня в мое детство, а оттуда — в волшебное царство Заманихи, которым, потаясь, я грежу до сих пор, запахи необыкновенного мира которого слышу, чуть прикрыв глаза, царство, которое постоянно включает мою душу и будоражит мое воображение, вплоть до появления передо мною зовущих обратно в детство миражей.

Заманиха... Для меня, полностью слившегося с при- сурско-кадышевской русской природой и являющегося целиком ее порождением, Заманиха была куда более таинственной и манящей, чем легендарные воспетые Ф. Купером и М. Ридом переполненные индейскими племенами и невиданными божественными животными и птицами щедрые, первозданные прерии Америки и саванны Африки и диковинные, с папуасами, леса плывущей в океанах Австралии!

Заманиха моего детства окутана нежностью Суры, о которой в 1840 году в далекой французской Ницце восторженно рассказывал старому Рейну наш гениальный земляк Николай Михайлович Языков:

Тебе привет...
Суры, красавицы задумчиво бродящей,
То в густоту своих лесов
Скрывающей себя, то на полях блестящей
Под опахалом парусов...

Моя Заманиха озарила светом все мое детство. Она для меня всего роднее, теплее, уютнее. Заманиха — всегда во мне и около меня. Заманиха — это утро моего детства. Мой полдень — это тоже Заманиха. Она — мой первый глоток воздуха. То, что я увидел, появившись на белый свет, — это Заманиха. Заманиха первой меня спеленала и первой посвятила в волшебные игры природы. Она первой благословила меня в многотрудный путь по жизни. Первым букварем и первой таблицей умножения была для меня Заманиха.

Растительный, животный и букашковый мир Заманихи был у подножия сплошь покрытой душицей, невысокой, чуть приплюснутой, опрятной своей девственной свежестью красноглиняной с белесым, как парное коровье молоко, горы за плетневой городьбой нашего кормильца — огорода. Гора, прикрывающая своим остовом Заманиху от нехороших северо-восточных ветров, тогда, в детстве, казалась гораздо выше даже легендарной Арарат-горы, о которой мне полно всего рассказывала мудрейшая бабушка Анисья Архиповна.

В центре заманихинского волшебного царства стояли, взметнув богатырскую, чудотворную силушку свою из глу-

бин былинной русской земли к голубым небесам, выше даже Долгой горы, старые-престарые, неохватные, всегда между собой и с окружающим их миром о чем-то перешептывавшиеся тополя. От тополей на все живое растекались тополиные запахи. Запахи эти весело кружили голову не только мне. Растворяясь в луго-боровом, настоящем на целебных травах, цветах, на хвое, мяте и душице, на пчелином меде воздухе, тополиные запахи пропитывали силой, удалью, доброй и перевозданной простотой весь кадышевский народ.

Души всех кадышан сотворялись из воздуха Заманихи, пропитанного загадочным духом тополей, ветел, сосен, талов, лип и луговых трав.

Не может быть чистой душа человека и без родников, которые народ так мудро назвал — Ключи! Совсем недавно мы с восьмидесятисемилетней мамой долгими вечерами вспоминали наши сельские родники. Сколько их было, родников этих!.. Жители любого села в былые времена старательно оберегали родники-ключи, постоянно поддерживали их жизнь. У крестьянина к роднику было такое же почтение, как и к кормилице земле. Наступило новое время, и родникам, как и всей природе, досталось: их мяли, топтали, заваливали, замусоривали. На месте многих некогда знаменитых ключей льются лишь горькие слезы земли. Грустно и крайне неловко мне оттого, что люди стали забывать свои родники, как, впрочем, и свои традиции, и всю историю своей малой и большой родины, а мы ведь все берем начало из... родников. Но были, были, люди русские, у нас родники!.. Только поэтому так широко и раздольно, так по-родниковски свежо и божественно чисто на присурском приволье веками пела русская душа!..

Сотни парней и девчат собирались теплыми душистыми летними вечерами на Долгой горе, над Заманихой лились окрест под гармошку и балалайку в сопровождении величественного озерно-лугового лягушачьего оркестра цветистые, задушевно-задорные песни. Вот это было чудо!.. До сих пор я продолжаю очаровываться чудным миром песни, которую пели в старое время девки на девичнике (как говорили, бывало, в Кадышеве — на дивишнике):

Сладка яблонька сахаренька,
Отрасли вити до сыраю земли.
Привились кудри ка белому лицу.
Яво личко, точно белецькай снижок,
Яво щочки — как в саду розовый цвяток...

Содержание и мелодии тех крестьянских песен не только неподражаемы, но и неповторимы, а теперь (так уж пошло, и непростительно жестоко мы поступили!) почти и невозможны. За последние годы только в моем родном Кадышеве канули в вечность огромные запасы фольклора, уникального народного творчества. Заслушивались мы, когда, укачивая в кроватке своего любимого правнука Андриюшеньку, его прабабушка Анна Михайловна Нарышкина приговаривала:

У Лисаньки было семь дочерей:
Дарья, Марья, Фядосья, Ниносся,
Степанида, Салманида,
Душа Катенька.
Две Акульки во люльке качаются,
Два Стяпана во смятане бултыхаются...

Завораживающе свои песни пели люди! Музыка их песен сливалась с музыкой природы... Попробуйте угодить своим исполнением миллионам музыкантов-лягушек, объединенных природой в своеобразный коллектив, музыкальные традиции которого насчитывают сотни тысяч лет! Как бы вы ни старались, вы никогда и нигде не сыщете столько искусных музыкантов-виртуозов, сколько их когда-то собиралось в том прославленном оркестре на цветущее-благоуханной сцене заливных присурских лугов!.. Разного рода музыкальные произведения в исполнении лягушачьего хора до сих пор продолжают всплескивать мое сознание, рисуя волшебные русские деревенские картинки, которые вы не сыщете на полотнах даже самых известных живописцев.

Все кадышевские песни дышали благотворным и чудотворным воздухом моей Заманихи. Плыла песня с Долгой горы, поднявшись над Сурой, над сурскими пахучими лугами с клубничными полянами, с зарослями ежевичника, шиповника, боярышника, смородины, с плантациями

дикого лука, щавеля, борщевок, дягелей... Плыла песня над синеглазыми кишевшими сомами (некоторые из сомов достигали более десяти пудов и нередко буйством своим наводили ужас на прохожих!), щуками, жерехами, судаками, лещами озерами Промзюком, Глубоким, Притворным, Рассохвицей... Плыла песня, оттолкнувшись от трепетавших в истоме и бившихся в ненасытной жажде жизни юных сердец, куда-то в таинственную зовущую даль... куда-то в сторону древнего соснового бора. Долетевшая до боровой черни песня приводила в умиление даже старого филина, который, не стесняясь своего сверхпочтенного возраста, частенько подпевал своим бархатным басом. Я сам это слышал!.. Приятно было многочисленным обитателям бора слушать вот такую чудесную народную песню, посвященную их житью-бытью:

Как у ключика у холодного
Соловей кукушку уговаривал:
«Полетим, кукушка, мы в сырой бор жить,
Выведем, кукушка, два кукаренка,
Тебе — кукаренка, а мне — соловья.
Твой кукаренок будет куковать,
А мой соловьенок будет распевать...»

А иногда, всплеснувшись, песня с Долгой горы стремительно неслась в березовую, грибную Чигириху, к ягодным Елховым горам, под Часовенскую гору, где издавна природа размещала свои несметные плодородные нивы, способные, как казалось мне тогда, в счастливом детстве, прокормить не только Кадышево, но и все человечество... Неслась выплеснутая из молодых душ песня и между горами Свальной и Плечистой, где когда-то, как утверждали седовласые старики, пролетал сам Стенька Нечистый...

Частенько поутру мимо Заманихи по веселенькой тропке я бегал в верхний лес по грибы и ягоды. Лет с пяти увлекся я ягодно-грибным промыслом. Весь день бродил по диковинному лесу, по лесным опушкам и полянам сначала со своей благороднейшей старенькой бабушкой, изумительной русской сказительницей Анисьей Архиповной Махотиной, а потом любил разгуливать, мечтая о чем-то, один...

В одно ярко-светлое, росистое и лучистое, благоухавшее животворными испарениями земли утро и случилась

эта невероятная, сказочная история, которую я, глядя на растерянно бегавших по холодному индустриальному асфальту беззащитных муравьишек, и поведал через сорок пять лет своему лучезарному, пытливо всматривавшемуся через открытое окно в мир внучонку Андриюше...

В далеком нашем детстве кибернетика еще не успела вытравить из людей сказочного воображения. Мое поколение успело пережить веру в разных оборотней, домовых, леших, чудовищ с хвостами и без них... Меня всякими небылицами, фантастическими и библейскими историями щедро подпитывала бабушка Анисья Архиповна. Вот была богатая на воображение натура!.. Лежа на теплой печке, она могла сутками, не повторяясь, рассказывать всяческие истории, сказки, прибаутки, напевать песни вроде этой:

Как у месяца—у молодца
Крутэе рога,
Как у нашего у Коленьки
Кудрява голова:
По плечам кудри лежат,
Как жар горят.
Ехали бояре,
И все дивовались:
Что это за парень,
Что эт за хорошай.
Эт не мать яво родила,
Не отец воспитывал...

Слушать было бабушку не наслушаться. Куда только бабушка своими рассказами меня не водила. Каких только диковинных птиц я с бабушкиной печки не видал! И сейчас передо мною проплывают видения с Жар-птицей и Финистом—ясным соколом...

Итак, было раннее утро... Только что прогнали пастухи по селу коровьи и овечьи стада. Из-за Долгой горы, не торопясь, выкатилось сияющее добротой, умытое лесным воздухом Красное Солнышко. Торопливо умывался росой, капельки которой в изобилии серебрились на травах и листьях деревьев, весь насекомый мир. Сладострастно пели неземные песни всяческие пташки. Все живые твари, проснувшись, славили наступление нового дня. Над

Заманихой все пело, жужжало, стрекотало... От птичьей и насекомой круговерти рябило в глазах.

Тем утром с небольшим кошельком из бересты, не спеша, я поднимался по тропинке в гору. Держал путь я через нагорные улицы Щелкан и Ветродуевку в березово-папоротниковую Чигириху, ближайший лес, по ягоды. Мое воображение уже рисовало сладкие, душистые полянки с лесной земляникой, как вдруг на узкой тропке я увидел эту ужасную, приведшую меня в леденящий трепет трагедию... Трагедию разыграл огромный жук-живодер по имени Кузька. Своим садизмом Кузька слыл по всей округе. Это был настоящий душегуб. Кузька-живодер всех, кроме себя, люто ненавидел. Свою злобу он многократно изливал даже на своих братьев-жуков. Жестокий жук-живодер Кузька угрожал полным уничтожением и заманихинским вековечным тополям. У одного уважаемого крестьянина-бобыля Кузька превратил в тлен дом. А уж сколько живодер пожрал картошки!..

На этот раз жук-вампир пытался взять в плен... маленького муравья, спешившего на работу в соседний овраг. Муравьишка как мог сопротивлялся. Но силы были уж слишком неравные, и он уже предчувствовал свою гибель. Со всей мальчишечьей решительностью я вырвал муравья из злых рук Кузьки-убийцы.

Опомнившись, к моему изумлению и неопишуемому восторгу, муравей проговорил мне человеческим голосом: «Коля, ты спас меня от неминуемой гибели, и за такой благородный и героический поступок я тебе покажу то, что во всей деревне еще ни один мальчишка не видел, — волшебное травяно-насекомо-птичье царство Заманиху!»

Выждав, пока я вышел из оцепенения, муравей, сказав, что его во всем царстве все зовут Софроньч, повел меня к границе Заманихи. У входа в царство по сторонам стояли знающие себе цену два преогромных лопуха, а под лопухами величаво восседали на яблоневых пеньках жабы, разодетые в яркие зеленые камзолы. В лапах жабы держали трезубцы, напоминавшие деревянные сенокосные вилы.

Приблизившись к жабам-рыцарям, муравей что-то им твердо сказал, и они, отдав нам честь и три раза проквакав, пропустили нас через границу на территорию Заманихи.

До этого приключения со старой груши, что раскидисто, как-то враскоряку стояла на огороде посредине тыквенных грядок возле нашей старенькой пригнувшейся к земле липовой бани, я не раз любовался переливающимися цветами как небесная радуга покровом Заманихи, который каждую весну природа заново старательно и искусно ткала из крапивы, лопухов, колючек, бузины, крушины, одичавшей смородины, разных трав и цветов... И вот внутри этого царства муравей Софроньч меня познакомил совсем с другим, скрытым от человеческих глаз, волшебным миром чудес.

То царство, с жизнью которого меня познакомил мой новый друг Софроньч, было царство диковинное и мирное. Оно никогда не знало войн и всяческих других конфликтов, которые, к примеру, постоянно разыгрываются в царствах людей. Жители Заманихи жили в мире и добром согласии. Они даже не ссорились друг с другом, ссора, как они считали, унижает их достоинство. Им, жителям сказочной Заманихи, было не до ссор и мелких дрязг: они работали! Только в работе они видели свое счастье, как, впрочем, и абсолютное большинство тогдашних жителей моего родниково-василькового села Кадышева.

Правда, иногда, хоть и очень редко, но мирная жизнь этого волшебного царства все-таки нарушалась злодейскими набегами коршунов-стервятников. В это время, конечно, бывал переполох! Но тогда, когда Софроньч водил меня по своей родной Заманихе, там было полное умиротворение. Счастливую жизнь ее обитателей никто из незваных гостей, пришельцев из других земель, не нарушал. Гуляя по приволью Заманихи, чего только я там не увидел! Перед моими глазами вдоль широченных покрытых цветистыми живыми коврами из трав улиц предстали — о, чудо из чудес! — ...величественные дворцы-муравейники, в которых непрерывно день и ночь кипела непостижимая для простых смертных людей жизнь. В каждом из дворцов жило по миллиону муравьев, и все вместе они, не суетясь, подчиняясь какому-то неведомому для нас закону жизни общественных систем, делали свое муравьиное дело, делали искусно, без переполохов, какие, например, периодически возникают в людском обществе.

А какие я увидел в Заманихе скверы! В них кроме душистых цветов было рассеяно множество птичьих гнезд — соловьиных, даже куриных и утиных, встречались гнезда и жаворонков. В некоторых гнездах лежали яйца, а в большинстве гнезд кувыркались, нежно попискивая в ожидании своих мам, маленькие пушистые комочки. То были будущие хозяева Заманихи!

По улицам селений волшебного царства взад и вперед, пересекая нам дорогу, порхали разноцветные бабочки. Иногда над нами летали даже ковры из бабочек. Везде, где бы мы ни появлялись с муравьем Софронычем, вкусно пахло диким медом, мятой, душицей... Витали в теплом, парном воздухе и сотни других запахов, от которых у меня почему-то пела душа и радостно билось сердце. Эти запахи исходили от множества трав, цветов и кустарников.

Мой друг Софроныч степенно шел впереди, а я, оглядываясь по сторонам, шел за ним. Софроныча в Заманихе знали почти все ее обитатели: ежи, муравьи, ужи, птицы, божьи коровки, мыши, жабы... Чувствовалось, что муравей среди жителей Заманихи пользовался великим уважением. Особенно высок авторитет был у Софроныча в муравейниках. Там перед ним ломали шапки даже старые муравьи! А молодые услужливо освобождали для нас проход во встречавшихся залежах валежника.

Великое множество пчел увидел я в Заманихе! Пчелы, как и муравьи, в отличие, скажем, от попрыгуний-стрекоз и некоторых красавиц бабочек жизнь свою проводят в неистовом труде во благо живого мира, всей природы. Без их труда растительный мир всего этого волшебного, цветущего царства пожух бы, все в нем поблекло бы, посерело, а затем и начало отмирать.

Много я видел в Заманихе и ежей! Они тоже делом заняты были: кто из них дома-гнезда мастерил, кто строительный материал заготавливал, а кто и запасами занимался.

Вся Заманиха была в жизнедвижении. Чего только одни сороки по всей Заманихиной округе вытворяли! Короче говоря, население Заманихи творило для себя будущее!.. С помощью моего друга муравья я тогда узнал о многих сокровенных тайнах этого творения.

В тот день я подружился с Заманихой прочно и навсегда. Потом много-много раз я, затаив дыхание, посещал открытое для меня муравьем одно из царств природы — Заманиху. Оттуда я старался взглянуть в огромный планетный и космический мир, мир, сияющий ослепительно-манящими сполохами на восходе моей гражданской жизни. Там я потом почти каждый день ждал сказочную птицу феникс, про которую мне длинными зимними вечерами на теплой русской печке, на овчине, при божественном свете лампы, что торжественно располагалась под образами святых на божнице, рассказывала старенькая бабушка Анисья Архиповна. Бабушка старательно тихо убеждала меня в том, что райская птица феникс обязательно посетит нас и изгонит зло, а добро рассеет по всему многострадальному миру людей. Моя бабушка трепетно верила в Бога, в доброе назначение людей. Она любила всех людей. Для бабушки не существовало национальных различий. Она все повторяла: «Все, внучоночек мой, люди, все человеки...» Верила моя бабушка в духовное Воскрешение России. Всю свою долгую жизнь жила она с верой в Бога и с верой в победу Добра над злом. Я благодарен судьбе за то, что всю свою жизнь чувствую в своей душе яркое, чудесное сияние бабушкиной доброты...

Все то, о чем я рассказывал в тот апрельский день своему внуку Андрюше, он слушал необыкновенно внимательно, как-то по-взрослому. Видно было, как по его умному, ангельскому, еще не тронутому людскими тревогами личику непрерывно гуляла мысль. О чем думал в эти минуты моей внук? Казалось мне: маленький человечек напряженно старался соединить воедино прошлое, настоящее, будущее, то есть восстановить то, что взрослые люди разрушали на протяжении многих десятилетий.

*Весна и лето 1992 года,
город Казань — присурское село Кадышево*

ТАРАСОВА ГОРА

То ли сказка, то ли быль

Она живет сказочной своею жизнью в Кадышеве, Покровском тож, напротив Священной Суры, на чудных, живописных просторах былинного Русского Края. Сколько ей лет, в нашем селе никто никогда точно не знал, а сама она помалкивала до сих пор. Старые люди, пользуясь надежными слухами, мне сказывали, что это дородная гора родилась якобы таинственным образом лет тысячу тому назад, а может быть, и больше. Сейчас спорить на этот счет не с кем, да и бестолково: какие-либо уверенные доказательства отсутствуют, а молва, хотя в ней бывает и большая доля правды, есть все-таки молва.

В наших пропахших русским духом околосурских благословенных местах, где вольготно живет-поживает более четырехсот лет православное селение Кадышево, а в его объятиях – Тарасова гора и ее многочисленные сестры-горы, а возле них и по ним – лиственные и хвойные леса, поля, была глушь, пустошь, на земле которой следов человека не видно было, зато видимо-невидимо всюду встречались следы всяких диковинных зверей, птиц. Кругом все рычало, мычало, ревело, насвистывало, крякало, квакало, стрекотало, жужжало.

За Сурой, по ее левому берегу километра четыре вширь, тысячелетия росли дубовые рощи. В рощах располагалось полно озер, глубоких, пеленой тайн укрытых. Те озера синеглазые, кувшинками-лилиями разукрашенные, кишели рыбой всякой, в них водились многопудовые сомы и щуки. В этом великом лесо-озерно-луговом царстве до появления в нем людей владычествовали водяные и лешие, в царстве этом полно жило русалок, по красоте которым не было равных по всей Земле. В далекие времена в Посурье ходило,

бегало, плавало, лазило множество других диковинных лесных и водных жителей, о коих в былинах и сказках сказывается.

Правый берег Суры, ставший добрым пристанищем людей русских, богатырей духа и тела, трудом праведным основавших Кадышево, в докадышевские времена сплошь покрывался лесами дремучими и кустарниками непролазными, полностью управляемыми лешими. Тогда флора и фауна этого присурского лешиего царства оставались целиком нетронутыми, девственными, первозданными со времен Сотворения жизни на Земле.

В околосурские непроходимые дебри-чащобы, обильными дарами природы богатые, люди боялись войти: уж больно много в них шаталось леших и их собратьев. Вот так, безлюдно, без человеческой истории, шли тут тысячелетия. Но однажды случилось то, что обязательно должно было случиться: сюда, на правый берег Суры, под белорудые горы, заросшие вишней и клубникой, к холодным ключам, бьющим из-под гор, продрался сквозь вековые заросли Человек. Он был другом-соратником Ильи Муромца. Его величали Тарасом Кадышанином. Тарас Кадышанин жизнь свою посвятил Святой Руси, своему любезному Отечеству. Он хранил покой русского народа, не допускал в пределы Святой Руси разных мастей супостатов. Частенько бился с супостатом Тарас Кадышанин плечом к плечу с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем, Алешей Поповичем. Ох как боялись их недруги Руси!

Прослышал Тарас дурную весть о том, что давно зарятся на присурские многообильные земли темные силы – уж очень им, супостатам, хотелось овладеть этой первозданной территорией с несметными природными богатствами, и решил, мобилизовав всю свою силищу, навсегда лишить бесовщину аппетита на эти благодатные земли.

Получив благословение от Всевышнего и доброе напутствие своих друзей-славян, Тарас Кадышанин, помолившись Богу, взял свой грозный меч, надел непробиваемую врагами кольчугу, сел на своего выдавшего виды надежного боевого коня и отправился в трудный путь в сторону Посурья в неведомые для него земли.

Доехав на удалом коне до устья Священной Реки Суры, раздольно впадающей в великую Русскую Реку Волгу, Тарас Кадышанин стал терпеливо, шаг за шагом, настойчиво продвигаться по сплошь заросшему деревьями, кустарниками, травами правому сурскому то крутому, то пологому берегу вверх по реке, преодолевая на пути массу тяжелых природных препятствий. Себе дорогу Тарас Кадышанин прокладывал сквозь страшные дебри вручную. Силушки у него было столько, что огромные дубы и ветлы, стоявшие на его пути, он выдирал с корнем и укладывал по сторонам от дороги. До сих пор огромные кучи валежника свидетельствуют об этом. Лешиево население от страха все попряталось, оно не чинило Тарасу-Богатырю помех. С испуга замерли, притаились в глухомани суровых лесных чащоб медведи, волки, рыси, кабаны, в многочисленных поселениях зверье старалось помалкивать, действия могучего Тараса приводили его в оцепенение.

Тарас Кадышанин, хранитель Земли Русской, наконец-то, преодолев все нечеловеческие трудности, добрался, сотворив по пути дорогу, до заветного лесо-горно-речного края, названного вскоре Кадышевской пустошью. Главный привал Тарас устроил верстах в четырех от Суры, на самой высокой горе, кою он тут же облюбовал для первой в этом краю сторожевой заставы. На горе, которую кадышане стали уважительно величать Часовенской, Тарас стал на часы охранять обетованную посурскую землю, любимицу Святой Руси, от несметных полчищ врагов лютых и алчных с повадками хлестче звериных, с ненасытными амбициями владеть всем и всюду, с неохватным бесовским богохульством в их скверных душонках, с ненавистью к люду православному, к его Вере Христианской.

В летнюю пору теплой лунной ночью Тарас частенько купался со своим верным другом конем в водах Суры. На сурских живописных островах, окруженных корягами, с бестиями водяными на них в одно время с купаниями Тараса водили хоровод очаровательные русалки. Одна из русалок, с русой косой до самой земли, с синими глазами, сияние которых проникало в глубины души русского богатыря, особо ласково и притягательно-страстно поглядывала на Тараса, и он, в свою очередь замороженный неземной

красотой русалки, не в силах был хоть на миг отвести от нее глаз. Уловив момент, русалка подплыла к Тарасу, обожгла его своим любовным теплом и поспешно, чтобы водяной не подслушал, промолвила: «Я полюбила тебя, Тарасушка, вижу, что и я тебе любя, мы сможем соединить свои сердца и души, стать мужем и женой, если ты не испугаешься темных сил и вызволишь меня из их липкой, мерзкой, бесовской паутины следующей ночью, когда в ливневый дождь, сопровождаемый невиданной силы ветром, грохотом грома и нескончаемым сверканием молний, начнется ужасающей силы столпотворение, всем напоминающее светопреставление».

Услышав тревожные слова любимой, храбрый Воин Тарас назавтра ближе к ночи сел на боевого коня и отправился на Суру, туда, где русалочий остров, охраняемый воинством водяных. Только Тарас остановился на сурском берегу, началась вакханалия, из ничего вдруг зародился бесовской силы вихрь, разом захвативший в свое кружение все вокруг сущее. Наступила кромешная тьма, всюду с небес до земли разразились раскаты грома, засверкали ослепительные молнии, водопадом хлынул ливень, в бешенстве затряслись воды Суры, мгновенно поглощая в себя все острова, перекаты, косы и хлеща своими неукротимыми разбушевавшимися потоками по берегам.

В кошмаре природно-бесовской стихии Тарас увидел сияющую дивно, плотно окруженную мерзопакостными существами-сатанятами писаной красоты русалочку, одарившую его любовью негасимой. Схватив меч, ангельскими силами превращенный в непобедимый, Тарас на своем ретивом коне опрометью кинулся в самую гущу сатанинского шабаша и начал стремительно повергать в прах омерзительные силы зла.

Растоптав гульбище сатаны и приведя в спокойное состояние Посурскую Природу, Тарас Кадышанин взлетел на коне и оказался вмиг на русалочьем острове: схватив за талию русалочку, он нежно посадил ее рядом с собою на коня и помчался в сторону Часовенской горы, где для влюбленных ангельские силы сотворили чертоги чудные. Русалочка, сбросив с себя колдовское обличье, натянутое на нее главным водяным, с помощью сурской колдуньи

Коряги превратилась вновь в распрекраснейшую царевну Аксинью.

Тарас и Аксинья стали жить-поживать, любовные страсти друг к другу прибавлять, детей рожать, купаться в обоюдной ласке, наслаждаться райскими красотами окружавшего их растительно-животного мира, мира по-сурской Природы.

В летнюю пору утром и вечером, лунно-звездной ночью тоже влюбленные купались в живительных водах ласковой Суры. Сура настолько им пригляделась, что Тарас и Аксинья решили перебраться жить насовсем поближе к ней, прямо на ее ветляно-тополиный очаровательный берег правый, возле белогрудых холмов, поодаль от Часовенской горы и лесов, ее окаймляющих.

Одно не устраивало Тараса Кадышанина: отсутствие в этом присурском месте такой горы, как Часовенская, на которой он долгое время на часах стоял и с которой ему, Часовому Земли Русской, окрест видно было все. И решил тогда Богатырь Тарас метрах в четырехстах от Суры воздвигнуть Гору мощи неохватной с обличьем живописным.

И начались тяжелые Тарасовы труды по сотворению Горы-Поста, кордона и бастиона. Тысячу дней и ночей без отдыха, без праздных минут Тарас Кадышанин на своих титанических плечах таскал землю, камни, глину, песок, мел для воздвижения Горы – одного из форпостов Русской Державы на Земле Солнечного Посурья. И вот закончились работы по сооружению этого Дива – перед Сурой и околосурьем величаво и дородно, приветливо предстала Рукотворная Гора, взявшая на себя обет все будущие века неколебимо стоять на страже Славянского Доброго Духа в обетованном Русском Краю Посурском.

Гора эта и ныне продолжает пребывать в Добром Здравии, а зовется она теперь Горой Тарасовой.

Тарас Кадышанин заимел большую дружную семью, только сыновей одних у них с Аксиньей было пятнадцать, пятнадцать русоголовых детей: красавцев, как мать, богатырей, как отец.

Слух о ратных подвигах и добрых трудовых делах Тараса Кадышанина разнесся по всей Руси Великой, по

всему неохватному бескрайнему Полю Славянскому. Вскоре под надежный покров богатыря Тараса по его вдольсурской дороге со стороны устья Суры от самой Волги стал стекаться народ славянский, веры христианской, православной. Они с охотой обустраивались в безлюдном месте, перенаселенном зверьем всяким и птицами разными, заросшем лесами и травами, возле Тарасовой горы, строили добротные избы, обзаводились домашними животными, коровами и лошадьми в первую очередь, возделывали на целинных землях огороды и поля, рыбачили в богатых рыбой озерах и Суре, занимались пчеловодством, бортничеством, драли в липовых рощах лыки на мочало, портняжничали, кожевничали, ткали полотно, сено на обильных сенокосах заготавливали, производили речные суда, сплавливали плотами вниз по Суре лес, рубили избы, бани, конюшники, срубы колодцев, амбары, пилили доски, крыли тесом постройки, разводили сады, рожали детей и в люди их выводили.

Маленькое присурское поселение с Тарасовой горой и другими караульными горами в нем постепенно переросло в крупное село с двумя православными храмами, тысячами крестьян и сотнями ремесленников. Народ назвал его Кадышевом в честь Великого Стража Посурья – Русского богатыря Тараса Кадышанина и его знатных сыновей, величавшихся Кадышанами.

Дача, лето 2004 года

СУРСКАЯ РУСАЛОЧКА

То ли сказка, то ли быль

В раннем детстве, годов с пяти, я все лето проводил на Сура. Сура мне в ласке никогда не отказывала, всякими тайнами со мной делилась, о своем Водном Царстве были и небылицы рассказывала, его невиданные красоты каждый раз показывала, по царственным садам водила, с жителями Водного Царства знакомила, разными лакомствами угощала, от опасностей оберегала, мое любопытство байками ублажала.

Теплым душистым вечером в полнолуние во время лягушачьего концерта под трели соловьиные и шелест листьев ветлы, под которой я сидел на огромном пенке с окладистой травяной бородой и откуда наслаждался величественной поступью кадышевской лунно-звездной музыкальной ночи по околосоурским живописным сказочным озерно-луговым просторам, моя любимица, добрейшая Сура, решила познакомить меня с одной из самых очаровательнейших своих подружек – русалочкой.

Недалеко от того волшебного места, с которого я, замороженный сиянием лунного света и симфонической музыкой лягушачьего ансамбля, любовался Сурой и ее милыми причудами, находился сурский остров, на котором в коряжем селении, окруженном причудливой формы ветляно-таловым забором, жили беззаботно и весело сурские русалки, хранительницы былей и небылиц и песенности своей сказочной русалочьей реки и ее сказительницы. Днем русалки уходили на покой в свои чертоги, а лунно-звездными ночами под музыку Посурской Природы забавлялись, распевая песни дивные и вода хороводы чудные, на острове Суры, то и дело ныряя в ее живительные воды, плескаясь ею так, что даже ветлы громадные брызгами

с ног до головы, с вершины до корней, окатывались. Такое веселье устраивали русалочки в водах теплой Суры!

Нежданно-негаданно русалочка, с коей Сура уж больно желала меня познакомиться, подпорхнула ко мне, нежно взяла меня за руку и, восторженно что-то напевая, повела, то и дело пританцовывая, в свое сказочное Водное Царство, для несказочных людей недоступное. Звали русалочку Кувшинкой, она являлась родной дочерью озера Промзюка, тысяча первой его дочерью.

Среди исконных жителей Водного Царства кроме русалок-кувшинок были лягушки разного происхождения, рыбы всякие – сомы, щуки, язи, лещи, караси. Встречалось много коряг, полно корней деревьев и кустарников, много ужей, ондатр, енотов, нутрий, бобров, неисчислимое множество растений – осоки, тростника, их были целые плантации.

На окраинах Царства, по земле которого водила меня очаровательная русалочка-сурчаночка Кувшинка, нам вежливо, приветствуя, кланялись благородные плодობильные кусты смородины, ежевики, шиповника, боярышника, черемухи. Всюду виднелись таловые поселения-палисадники. Мне и русалочке старались оказывать почтение добротные, роскошно одетые, знающие себе цену ветлы, тополя, осокори, березы, дубы, клены, осины, липы, сосны, плакучие ивы, окаймлявшие Водное Царство и надежно охранявшие от недружеских ветров, бурь, знойных обжигающих суховеев его просторы.

Особенно гостеприимно, то и дело радостно восклицая, обворожительной улыбкой одаривая, встречали нас с Кувшинкой ее сестры, озерные модели, модницы, певуны и плясуньи кувшинки, весело забавлявшиеся с озерными ловеласами лягушками, кои на огромных зеленых лопухах и возле них, возбуждись играми, выделявали всевозможные немислимые пируэты, выквакивая при этом необыкновенной красоты арии. Мне, пятилетнему парнишке, на все эти выкрутасы было забавно смотреть, еще более забавно было слушать вычурные мелодии водно-подводных музыкантов и певцов, особенно лягушек.

Русалку Кувшинку, что меня особенно восхищало, в Водном Царстве любили все, все нескончаемо восторгались

ее необыкновенно лучезарной красотой, ее лебединой поступью, ее чудным голосом, притягивающим к себе все вокруг живое. От русалочкиного пения все жители Водного Царства приходили в неопиcуемый восторг-исступление, а лягушки-певуньи неизменно приглашали очаровательную русалочку на концерты своего знаменитого на всю Поволжско-Посурскую землю Ансамбля в качестве ведущей солистки, собиравшей в луго-озерной бесчисленной Аудитории неслыханное количество слушателей. На концерты с участием Кувшинки являлись слушатели даже из многих соседних царств и королевств, княжеств и воеводств водных, земных и небесных. Увидев нас, гуляющих по живописным просторам Водного Царства, лягушки наперебой почтительно и обходительно стали уговаривать Кувшиночку поконцертировать с ними по княжествам-озерам и попеть, потанцевать, поиграть на каком-либо инструменте луго-озерного народа. Моя подружка русалочка, для того чтобы прежде всего меня позабавить, доставить мне, деревенскому мальчишке, светское удовольствие, кокетливо согласилась поучаствовать в лягушачьих концертных играх.

Музыканты-лягушки, управляемые волшебной палочкой главного дирижера – внушительных размеров и благородной осанки лягушки, одетой в импозантный костюм небесного цвета, грянули величественную луго-озерно-лесную песнь, повествующую о многотысячелетней истории народа, в том числе, конечно, и лягушачьего, Водного Сурского Царства, на протяжении которой здесь не было, как у людей, войн, революций, глобальных, унижительных для обществ перестроек-переделок, где не было никакой вражды между жителями озерно-луго-лесо-речного Царства, где не было страшных голодных годов, уносящих миллионы жизней, где не было все живое истребляющих эпидемий, где денно и ночью звучит музыка добродушной Природы, неизменно приводящая в трепет восторга все население Царства воды, леса, травы, земли.

В радостную мелодию этой оптимистической песни плавно влился блаженно-счастливый, нежно-плавающий между лунно-звездным небом и покрытой туманной фатой землей бархатно-шелковый голос моей сказочной подружки

Кувшиночки. Русалочка пела о всеохватывающей земной и неземной негасимой, жизнеутверждающей, безбрежной Любви, начале всех начал во Вселенной.

Придя в восторг от очаровательного пения русалочки Кувшиночки, затрепетали в сладостном экстазе листья ветел, талов, тополей, берез, вязов, кустарников, лирически заплескались звуками своих мелодий воды луговых озер и Суры, пьяняще запахла живительным духом цветки шиповника, луговые травы, а разнаряженные в разноцветные платья лягушки, пребывающие в нежных, сладостных объятиях с лилиями-кувшинками, затаив дыхание, даже перестали музицировать, дав полную волю а капелльному пению всеми любимой русалочки.

Особый восторг, как мне показалось, пение Кувшинки вызвало у Водяного, то ли царя, то ли воеводы этого сказочного подлунного мира, погруженного в таинства бытия.

Водяной на меня, мальчишку, впервые посетившего волшебный мир грез, произвел неизгладимое до сих пор впечатление. Древний, в возрасте нескольких тысяч лет, Старик поразил мое воображение своим необычайно фантастическим видом-обликом. Его вид – воплощение неведомых обыкновенному человеку таинств, запредельных для шаблонного человеческого разума.

Царь-Водяной торжественно восседал на зелено-красном с причудливыми рисунками-орнаментами, не имеющими ни начала ни конца, ковре на боровой запрозрачной шишке-холме, под которой бесконечно тянулись непролазные дебри экзотической черни, уютного пристанища семейств водяных, домовых, леших, века дружно уживавшихся с семействами лосей, кабанов, медведей, рысей, барсуков, волков, лис, зайцев, ласок, ужей, змей, ежей, бобров, нутрий, выхухолей, цаплей, гусей, уток, филинов, сорок, соловьев, дергачей.

Бородица Водяного вычурно переплеталась с лугоозерными травами и кустарниками. Она мягко стелилась по всему пространству Царства Водяного, защищая своею волшебной силой всю живую тварь от посягательств на нее, беззащитную, различных незваных недоброжелателей. Под покровом Дедушкиной бороды населению Сказочного Царства жилось спокойно, безбедно, сытно, уютно, тепло,

счастливого жилось, что меня, слышавшего ежедневно непрерывный стон страдающего от проклятых войн народа, очень радовало. Своими могучими и добрыми ручищами Водяной, обхватив свое Царство, не впускал в него силы зла. В пределах Водного Царства зло никогда не бывало, население даже не слышало о нем. Сторонние могли попасть в пределы Царства лишь с благими намерениями, с благородными целями, с любовью в своем сердце к другим живым существам, с любовью ко всей Природе.

К моему детскому счастью, по ходатайству его любимицы русалочки Дедушка Водяной, учтиво, доброжелательно, приветливо улыбаясь, позволил мне вдвоем с Кувшинкой пройтись по всем живописным оазисам, садам, палисадникам, огородам, площадям-полям, проспектам-заводам, паркам, по озерам-поселениям, оранжереям и посетить роскошные, разукрашенные цветками дивными дворцы вельмож Лосей, Медведей, Лис, Волков, Рысей, Сомов, Щук и чудные хижины простых жителей – Ежей, Ужей, Карасей, Окуней, Пескарей, Коряг, Пней, Корней, а также норы-избы Стрижей, Пчел...

Меня, кадышевского деревенского мальчишку, несказанно удивило полное отсутствие в этом Вечном Природном Царстве, одном из любимых Творений Космоса, начальников, чиновников, партийных уполномоченных, партторгов, инструкторов, председателей, секретарей, бригадиров, завхозов, коих в нашем древнем селе тогда было больше, чем людей Труда, Людей-созидателей.

Водное Царство, Царство грез, в теплых объятиях которого мне довелось побывать, за многие тысячи лет не знало диктатуры «избранных», в нем напрочь отсутствовала такая смертельная для каждой жизненной системы зараза, как властолюбие. Жителей сказочного Водного Царства никогда не посещали пороки, убивающие суть Бытия: алчность, эгоизм, жажда владычествования одних над другими, ненависть, вражда, высокомерие, ложь, экстремизм. В Царстве моих детских грез никто не ведал о деньгах – главном орудии сатаны, ловко им используемом в обществе людей для их разложения и падения в болото пороков.

Я хоть и мальчишка, но сумел заметить, что Старик Водяной не вмешивается в отлаженный на протяжении

тысячелетий ритм жизнедеятельности своего Царства, в этом Царстве жизнь сама собою следовала строгим Канонам Бытия. Меня, ребенка, тогда, в военные ужасные, голодные и холодные годы, жившего вместе со взрослыми в искусственно созданной рабской колхозной системе, приводимой в принудительное некоторое движение лишь силой хлыста, угроз, окрика, унижения, жестокой расправы за малейшую провинность перед «начальниками», потряс, вызвав в моей душе неукротимое бурное волнение, **Магнетизм** доброго, даже ласково-теплого взгляда Царя-Водяного, проникавшего во все содержание и в глубь Бытия взгляда, не беспокоившего ни одну из Частей Бытия. Из магнетических глаз Допотопного Старца, любимца Вечности, олицетворявшего собою всю Суть Эволюции на Земле, переполненных сокровенными тайнами Лунного Сияния, стелилось окрест теплым туманом Спокойствие, Сопряженное с Умиротворением, для всей окружающей Природы с миллионами в ней уникальных, неповторимых живых особей.

А русалочка Кувшиночка, подруженька моя, под аккомпанемент посурского лягушачьего Ансамбля с неохватной импровизированной озерно-луговой сцены все распевала песни дивные. Она, озорно плескаясь в Живительном Духе Бытия, пела под Лунно-Звездным Куполом Неба, ниспосылавшего в Царство воды, земли, леса, лугов, гор, долов, оврагов Сияние дивное, радостью непорочного Бытия все живое окутывавшее.

Моя русалочка, сказочное дитя Природы, ее Поэтической Сути, пела, щедро разливая чарующие души людей мелодии окрест. Обворожительным пением русалочка посылала в Вечное свои восторги его Бессмертию. Ее пение звучало Светлым Гимном Жизни на Земле. Русалочка пела о неубиенности Земной Жизни в веках, тысячелетиях. Очаровательная русалочкина мелодия, сотворяясь из мириад звуков-голосов, шепотов, трелей Посурской Природы, сливалась с Туманом в единое Поэтическое Море. Мелодия Кувшинки, поднявшись над всем Пространством Царства, к утру величаво уходила в Небеса, туда, откуда она каждую ночь к нам на Суру является.

Рано утром, еще до конца не освободившись от ночных грез, я со своей Божественной Бабушкой Анисьей Архиповной отправился в Чигириху за ягодами. В ласковых лучах восходящего над присурским Кадышевым Солнышка я продолжал видеть Лунное Сияние, а в нем – очаровательную улыбку поющей русалочки, моей милой Путеводительницы по Водному Сурскому Царству, Царству моих мальчишеских грез. Направляясь с зобнями на плечах в грибново-ягодно-папоротниковую Чигириху, мы, поднявшись от своей Усадьбы из Махотина заулка по тропе в гору, шли по кадышевским улицам Горе, Щелкану, Ветродуевке, и я, посетивший ночью Царство грез, видел всюду голодных, изможденных, унылых от безысходности крестьян-трудяг, заложников ужасного побоища – войны. Встречавшиеся нам на улицах люди были одеты в непонятного вида и цвета тряпье, большинство из них босиком, их бледные испитые лица выдавали нечеловеческие страдания. Нам встречались только изношенные не по годам женщины, вовсе немощные, еле волочившие свои ноги старики и дети-рахитики, превратившиеся до неузнаваемости в подобие мумий. Ни один мужик нам на пути не встретился. Бабушка Анисья, торопливо крестясь, на это сказала: «Мужичков, сыночек, всех поглотила война, будь она проклята».

Прошедшей ночью под Лунно-Звездным Посурским Небом передо мною, мечтавшим о Сказочном Будущем, во всей своей Неохватной Доброте и Красоте предстал Мир Грез, а днем освобождавшемуся от грез моему детскому сознанию вновь явился Реальный Мир, в коем живут, влача жалкое существование, униженные, оскорбленные и отверженные силами зла, сатанинскими силами, простые, добрые, милосердные, трудолюбивые Русские Люди.

Встревоженный увиденным на улицах родного села, я заторопил свою Божественную Бабушку из Реального Мира, мира нищеты, унижений и слез, облившего мою детскую душу горечью сострадания к беспомощным людям, в Промежуточный Мир, в Сказочную Чигириху, туда, куда злодейство еще не проникло. И мы пошли...

Дача, лето 2004 года

СУРСКОЕ КОРЯЖЬЕ ЦАРСТВО

То ли сказка, то ли быль

Этому Царству Коряг, сказывали мне, еще маленькому несмышленишу, бывалые кадышевские старички, столько же лет, сколько самой Суры. Давным-давно, много тысяч лет тому назад, Писаная Красавица Сура, сама родом из наших Благословенных, Обетованных Земель, родила невиданной красоты дитя, им была Коряга. Шло не торопясь время, от той Сурской Коряги пошли один за другим детки, потом — внучатки, за ними — правнуки, за правнуками — праправнуки... Все коряжье потомство и не сосчитать! Коряжье племя, навсегда поселившись в одном из диковинных мест на Суры, между человеческими селениями Кадышевом и Болтаевкой, и создали свое миролюбивое, никогда не знавшее войн, междоусобиц, революций, пертурбаций, насилий Благостное Коряжье Царство со столицей, корягами названной Каршевыми Ярами.

Об этом Сказочном, наполненном волшебными загадками Царстве жители не менее сказочного, чем Коряжье Царство, моего расчудесного, пропитанного древностью села, в котором я счастливо под плеск сурских вод и скворчино-соловьиное пение, ласкаемый целебным духом лугов, бора, леса, оврагов, долов, гор, явился на Свет Белый, прямо в теплые объятия моего древнего рода, догадывались. О разных, необыкновенных, неземных причудах, творившихся во все времена в окрестностях Коряжьего Царства и в его знатной, славущей по всей земле столице, в Каршевых Ярах, по селу ходили всяческие таинственные слухи-легенды. Полно этих слухов было.

Больше всего о странных явлениях, то и дело приключавшихся на Каршевно-Сурских землях и в водах Суры,

знала моя ни с кем не сравнимая бабушка Анисья Архиповна. Сколько веселых и чудных сказок, былин, легенд, шуток, прибауток, песен я слышал от моей Божественной Бабушки, сказительницы и благодетельницы, истинной Крестьянки-Труженицы! Их не счесть.

Бабушка-то, Анисья Архиповна, и вселила в меня неодолимое желание обязательно побывать в Сурском Царстве Коряг, ведь оно было вблизи от северного конца нашего Кадышева, только на той стороне Суры. Желание это свершилось как-то невзначай, ненароком в ясный, нарядный, музыкальный июльский день, при ослепительно-живописном разливе лучей Кадышевского Солнышка. В этот день окрест нашего старинного селения все безмятежно купалось в лучезарной радости жизни под очаровательный аккомпанемент многомиллиардного животного-растительно-насекомого населения Посурского чудотворного, живительного Природного Оазиса. Тогда мне было, поди, лет семь, лет мало, а любопытства — много. Тогда, к семи годам, я умел хорошо плавать, что позволяло мне досконально исследовать не только ветлово-талово-песочно-яровые околкадышевские присурские берега-жемчужины, но и воды всегда загадочно улыбавшейся мне и соблазнительно зовущей к себе Реки Суры.

Суру, кормилицу и поилицу моего Народа, я всегда любил и ей всегда поклонялся, Сура тоже меня любила. Мы друг другу нравились, друг с другом обнимались и нередко, особенно тихими, душистыми вечерами, в запахах тополино-ветлово-сосново-лугового воздуха тихо беседовали. Сура, как мне тогда казалось, слушала меня терпеливо и с нескрываемым любопытством — лукавинкой в ее непорочных, бездонных голубых глазах, а я, разинув рот от невиданного удовольствия, затаив дыханье и предаваясь мечтам, слушал чудесные рассказы моей Любимицы Суры с восхищением. Сколько же всего, дивился я, Сура знает! Дивился и тому, что, полно всего зная, Сура от меня ничего не скрывала, всем щедро со мной, мальчишкой, делилась.

Из тех бесед с чудотворной сказительницей Сурой я вдосталь получал первые сведения об экзотической жизни полного тайнств одного из приграничных с Кадышевым Царств, бережно хранимого от непрошенных гостей

добрейшей рекой Сурой. Эти сведения, дополнявшие бабушкины сказания, вконец взбудораживали мое детско-наивное восприятие окружающего меня мира, торопившееся поскорее все и обо всем узнать.

И вот в тот самый долгожданный теплый, в неге пребывающий летний день я наконец-то, горя от нетерпения, решил побывать в Коряжьем Царстве, Царстве моих детских грез, повстречаться и подружиться с его сказочными обитателями, побольше узнать об их образе жизни.

Переплыв на нашей семейной лодке-долбленке через Суру, я по ее левому берегу, продираясь сквозь заросли талов, лопухов, репейника, крапивы, вьюнка, паутиной обвивавшего все по берегу растущее, подбадриваемый Солнышком, побрел, преодолевая такие естественные препятствия, как Ближняя и Далекая заводи, сплошь заросшие всякой растительностью, в сторону таинственных Каршевых Яров — столицы Коряжьего Царства. Приблизившись к Царству, я, прислушиваясь к шелесту каждой травинки, листочка каждого, к жужжанию каждой пчелки, к попискиванию каждого кулика, к кваканью каждой лягушки, осторожно ступая, подошел к воротам Царства моей детской мечты, к воротам, возведенным неведомо когда и кем у самого входа на территорию столицы Коряжьего Царства — Каршевых Яров. Гомоном myriad птиц и несусветным жужжанием пчел, стреко-танием кузнечиков, букашек всяких, кваканьем лягушек, плеском сурской воды, перешептыванием зарослей берегового кустарника встретили меня, путешественника в Мир Сказки, Каршевые Яра.

Ворота Каршевых Яров гляделись несказанно диковинно. По обеим сторонам волшебного входа в Сказочную столицу стояли два незлобивых Богатыря, воина-коряги, по прозвищу, как я потом узнал, Чернодубы, находившиеся в близком родстве с дядькой Черномором. Два этих молодцеватых стражника своими могучими дубовыми телами надежно удерживали надворотный Карниз-Чародей, аккуратно увитый всякой луго-речной растительностью, Природой затейливо сложенной в подобие жгута.

Сразу же за воротами начиналась тропа, проходившая по спине длиннющей выдавшей виды карши. Вдоль тропы

с обеих ее сторон я увидел большущие ямы-омуты с илистым пугающим дном, в ямах, водных берлогах, дремали, еле заметно от блаженства пошевеливаясь, то и дело дергая громадными усищами, похожими на кнут кадышевского пастуха Домнича, покрытые панцырями из множества пиявок десятипудовые Сомищи, Царства Коряжьего верные стражники.

Вдоль сомовых ям-жилиц, напоминавших несокрушимые Крепости-форпосты в царствах людей, по песочно-глиняным аллеям, между вычурных куч-печин непрерывно сновали разнопородные и разнородные потомственные жители Столицы Каршевно-Коряжного Сурского Сказочного Царства. Мне встречались и сомы, и щуки, и стерляди, и язи, и судаки, и плотицы, и окуни, и выхухоли, и ондатры, и елоты, и лягушки, и пиявки, и ракушки, и пескари, и красноперки, и лини, и ерши, и налимы, и караси, и ужи, и лещи, и вьюны, встречались даже осетры и белорыбицы...

А уж коряг-то каких только в парках и скверах, на улицах и площадях Речного Коряжьего Царства я не видел! И что удивительно — каждая коряга выглядела по-своему занимательно, имела свой особый по-коряжьему привлекательный облик, у каждой коряги было свое строго отведенное ей Царицей Природой место. Наиболее населенной корягами являлась территория возле высоченных узорчатых стен Каршевных Яров, в которых над водой, уже в Земном Сказочном Царстве, соседнем с Каршевным, в уютных земляных домиках-коттеджах, надежно защищенных от непогоды и всяких невзгод, жило видимо-невидимо стрижей и пчел.

На пристенно-прибрежных корягах со свойственным лягушачьим достоинством восседали известные всему присурскому миру проказницы, ворчуньи и певуньи, музыкально необыкновенно одаренные лягушки, разодетые в модные лягушачьи одежды. Многие из лягушек, что очень обрадовало, встретили меня как доброго, всегда лягушек уважающего и лягушачьей музыкой всегда восхищающегося знакомого. С этими лягушками, путешественницами по сурско-озерно-луговым странам, княжествам и селениям, я частенько встречался на их лягушачьих вечерних концертах то в устье Ближней заводи,

то в подборовых озерах и протоках, то в Кимсайдаке, то в озере Глубоком, то в Сурских заводах, то в Лабоновом затоне, то под Сугроровыми ветлами, возле оврага, упирающегося в Суру и часто игриво плескавшегося в нее своей овражьей водой, текшей из-под Долгой горы, много веков блаженно дремлющей у нашего Махотина заулка, рядом с нашей родовой усадьбой.

В Коряжье-Каршевном Сказочном Царстве, куда меня привели мои детские светлые грезы, всюду торжествовало Добро в его всевозможных видах и формах. Добро на меня светилось отовсюду, из всех закоулков Сказочного Бытия, ото всех жителей Волшебного Коряжьего Царства. Владычество в Сказочном Мире Добра не допускало в среду жителей Коряжье-Каршевного Царства каких-либо ссор, между жителями не было тех конфликтов, коими переполнена Жизнь Людей. В том Мире Сказки, по которому я вольно и беспечно гулял, особой заботой со стороны взрослых пользовались маленькие жители. Водно-воздушная среда обитания населения Царства Коряг была первозданно чистой, Человеческая цивилизация с множеством ее пороков в нее еще в то время не добралась. Все пространство Царства было ухоженным, о чистоте его территории заботился каждый обитатель Сказочного Природного Царства, жители обходились без уборщиков-чистильщиков и полицейских-надсмотрщиков, они делали все своими силами. Все от мала до велика трудились на благо своего Царства. В сказочном Коряжье-Каршевном Мире свято соблюдались многотысячелетние традиции его населения, населения повадки. Ритм жизни в Коряжьем Царстве, выработанный Трудями Веков, неукоснительно соблюдался, он был строен, спокоен и красив. Ему подчинялось и следовало все живое, что способствовало великолепной Гармонии.

1945 — 2005 годы

АРХИП ПО ПРОЗВИЩУ ЧИГИРЬ, ДРУГ ТАРАСА КАДЫШАНИНА, ТОЖЕ РУССКИЙ БОГАТЫРЬ

То ли сказка, то ли быль, то ли еще что — это не мне определять

Эго прозвищем люди назвали одно из самых красивейших мест не только в Поволжско-Посурском Краю, но, пожалуй, даже во всей России. Место, о коем мы говорить начали, устроилось в трех верстах от присурского Кадышева и верстах в шестистах от Первопрестольной. Оно зовется с давних пор Чигирихой, какое-нибудь другое его название кадышанам неведомо.

Древние кадышевские старики мне сказывали, что Чигириха якобы всегда управлялась какой-то никому не ведомой силой, которую вроде бы источают папоротниковые плантации, появившиеся и возросшие здесь еще до Всемирного Потока, во времена Сотворения Мира. Старики всегда знают, что говорят.

Удалой Архип Чигирь явился в землю обетованную, в Посурье, вместе со своим бесстрашным другом-воином Тарасом Кадышанином лет пятьсот тому назад, а то и больше. Они были призваны Святой Русью стеречь надежно эти первозданные края от вероломных супостатов-бесов.

Прибыв из далеких краев в околосоурские земли, воины Чигирь и Кадышанин прежде всего занялись сооружением караульных постов. Тарас соорудил Державный Форпост поначалу на величавой Спине одной из самых значительных околосоурских гор, названной в честь ее заслуг перед Отечеством Часовенской. Гора, на которой стоял на часах Тарас Кадышанин, возвышалась немножко восточнее Суры, за задворками селения Кадышева, чуть севернее знаменитых опрятных Лысых гор, упирающихся западной частью своей гряды в правый берег Суры.

Архип же со своими дружинниками из рати Ильи Муромца обосновался в глубоком, широченном, длиннющем сплошь заросшем лесом, орешником, всяким другим кустарником, папоротником долу, похожем на громадный лоток. Из-под дна лотка-дола там и тут — всюду — били ключи, живительной водой из которых сотни лет кадышане, бывавшие в Чигирихе по разным промысловым делам, утоляли жажду.

По долу во времена Архипа Чигиря текла водообильная, веселого нрава река. Речка была младшей, очень послушной дочкой Суры, жители лесного царства ласково звали ее Липовкой. В речке Липовке в изобилии водилась рыба-голец, коей лакомились медведи.

Пологие песчано-глиняные берега речки Липовки перемежались с крутыми ярами, густо заселенными стрижами и пчелами. А по ярам далеко вглубь росло неисчислимо много грибов. Тут же красовались сладко пахнущие клубничные и земляничные поляны, а по их межам в густых зарослях кустарника рделась малина, в малиннике бродили, набивая рты сладкой ягодой, всякого возраста и роста всякого медведи. Дол, что облюбовал для надобностей караула Архип Чигирь, кишмя кишел зверьем и птицами, насекомой тварью, бабочками, стрекозами, муравьями.

Караульный пост Архип соорудил на первой со стороны дола горе в гряде гор, тянувшейся к западу, поближе к присурскому Кадышеву, до самого громадного оврага, покрытого липовыми чащобами и с речкой в нем, торопливо бегущей в Суру, а устьем своим сливающейся с устьем Чигиршиной речки.

Оба караула, и Тарасов, и Архипов, размещались так, что околосурская местность просматривалась стражниками на десятки верст вширь и вдоль.

Небольшому отряду витязей, возглавляемому Архипом Чигирем, в охране территории Среднесурского стана помогал отряд доблестных воинов-медведей. Медведи были добровольцами, они сознательно пошли служить Чигирю, ведь Чигириха, относившаяся к среднему Стану на Суре, для них была родной землей, Отечеством. Медведи в среднестанских посурских местах считались зверями

царственными, всеми лесными жителями уважаемые, поэтому они к службе на границе умели привлекать всю звериную молодежь, особенно зайцев, служивших, как правило, вестовыми и разведчиками, лис, служивших по интендантской линии, волков привлекали при внезапных ночных набегах на вражеские лагеря, хорьки, сурки, суслики входили в диверсионные отряды — они разрушали фортификационные сооружения нечистой силы.

Молва человеческая через века и пространства пронесла и сохранила Образ Архипа Чигиря. Молва говорит, ссылаясь на легенды, сказания, что Чигирь являлся Мужичищем-Усилком что надо. Не зря же Архип с медведями дружбу водил! Он с медведями, особенно по лесным чащам, где на коне ни шагу не сделать, в обнимку ходил. Бывало частенько и так: Чигирь с медведями и другим зверьем прилюдно потехами забавлялся.

Первопроходец Кадышевско-Посурской Земли, первооткрыватель Чигирихи, основатель караульных, часовенских постов (вместе с Тарасом Кадышанином) в посурском среднем стане, один из основателей великого селения присурского Кадышева Архип Чигирь был роста трехаршинного, в плечах — косая сажень, силищи и удали порусски неумной, характера горячего, нередко в необузданном проявлении, но сердца славянского, доброго, разума светлого, души неохватной. Он являл собою олицетворение Русской Мощи.

Шло время... После организации на Божественной Земле Посурской ратно-оборонительного дела, устройства на ней вместе с другом Богатырем Тарасом караульных постов на всей присурской многокилометровой гряде белорудых, обильнородниковых, душицей пропахших гор Архипа, красавца Богатыря, настигла большая Жаркая Любовь: он влюбился в очаровательную, лучезарную, синеокою, белокурую сурскую русалочку по имени Ивушка. Ивушка приходилась родной сестренкой жене Тараса Кадышанина Аксинье.

Через Любовь Бог влюбленным дает детей. Родились дети и у Архипа с Ивушкой. Много у них их было, сказывали, что тридцать три. От тридцати трех юношей и

девушек, детей Архипа с Ивушкой, пошли свои дети, а от них свои. Все они стали жить возле Суры, образовав селение, названное в честь друга Архипа Тараса Кадышанина Кадышевом. И у Тараса с женой-русалочкой Аксиньей тоже было полно детей, внуков, правнуков, праправнуков, и они стали жить в Кадышеве...

СКАЗКА О ТОМ, КАК В КИМСАЙДАКЕ ОДНАЖДЫ СЛУЧИЛАСЬ НАСТОЯЩАЯ ЧЕРТОВЩИНА

Есть на кадышевских лугах древнее седовласое сказочное озеро Кимсайдак. Никто из кадышан никогда не ведал о подлинной истории Кимсайдака. Кадышане хорошо знали только одно: с ним связано много мистических, сказочных историй-приключений.

Озеро Кимсайдак замысловато окутано ветляно-тальниковой и прочей зеленью. Сквозь густые заросли кустарника, лопухов, крапивы, осоки и камышей добраться до воды дело непростое, а даже очень трудное. Кажется, какая-то демоническая сила не пускает человека к кимсайдачной воде, на поверхности которой уж какой век хозяйничают тысячи лягушек и ужей.

По-моему, от бабушки своей Анисьи Архиповны я еще несмышленишем слышал сказку, действие которой проходило в дремучем Кимсайдаке. Эту сказку лет семь назад вечером на даче я рассказал своему пятилетнему внуку Андрюше.

Гуляли мы с Андрюшей по аллеям дачного сада. Ночь была уютная, теплая, душистая, музыкальная. Из-за Волги навстречу нам катилась и катилась, обвораживая нас своей небесной божественной красотой, ядреная, разбурянная волжским духом Луна. Мой лучезарный, любопытный до всего Андрюша, замороженный лунным светом, глядел и глядел на космическую красавицу и все время о ней меня расспрашивал. Отвечая на бесконечные и неожиданные вопросы внука, я тогда и вспомнил бабушкину сказку...

Бабушка Анисья Архиповна, начал я сказочное повествование Андрюше, говорила мне, что давным-давно в нашем кадышевском Околосурье вдруг, невзначай, ни с того ни с сего, как-то разом пропала... Луна. Моей бабушке ска-

зывала ее бабушка, а той бабушке — своя бабушка, что тогда Луну луговой черт украл. Черт тот был невероятно стар. Ему, поди, лет тысяча было. Он всегда слыл среди кадышевского народу заядлым проказником-прохиндеем, но чтобы Луну спереть... такого еще не случилось. Зачем черту понадобилась такая затея, никто из сурчан-кадышан до сих пор не знает. Сурчане знают лишь одно: случай с пропажей Луны действительно на присурских кадышевских лугах был...

Тот черт-мошенник, аферист-шулер, светоненавистник, в присутствии всего лугового животно-растительного мира после заката за сосновый бор Солнышка, воспользовавшись сумерками и сонливостью небесных сторожей-звезд, подкравшись к Луне, накрыл ее громадным мешком и по лестнице, устроенной из облаков, аккуратно слез с неба и в мешке Луну бросил в свое пристанище — озеро Кимсайдак. На все посурское пространство сразу же улегла кромешная тьма, которой даже звезды не могли помешать.

В тот вечер, когда свершилась эта луговая чертова вакханалия, на Кимсайдаке сидел с удочкой после тяжелого сенокосного дня кадышевский мужик Иван по прозвищу Дуболом. Дуболом, пребывая в неистовом рыбацком азарте, жадно глотая едучий дымище табака-самосада, таскал из озера один за другим жирных увесистых карасей, коих у Ивана за какие-то полчаса накопилось с трехведерную зобню.

Дуболом своей русской силищей, крестьянской смекалкой и ловкостью, своим могучим, богатырским телосложением и двенадцатипудовым весом славился по всему Поволжско-Посурскому русскому краю: от Пензы до Курмыша и Васильурска. Был Иван детиной, конечно, что надо: ростом в два с половиной метра, косая сажень в плечах. Ручищи у Ивана Дуболома были как ноги у владимирского тяжеловоза. Бывало, он своими кулачищами полуторника-быка наземь сбивал. И еще одну значительную черту у Ивана заметим: он был мужиком невероятно мужественным, лишенным всякой боязни. Люди сказывали, что Дуболома даже нечистая сила очень пугалась...

Наудив вдоволь карасей, Иван, откашливаясь и отплевываясь, пыхтя и почесываясь, сам себе улыбаясь, взвалив

на плечи неприподъемную для обыкновенного человека зобню с рыбой, собрался идти домой в Кадышево, к себе в пропахший щами, картошкой и пирогами Махотин заулоч. И тут-то вот по луговой округе, по луговым черням, по бору и боровым шишкам, по озерам и протокам, по Козлихе и Кузнечихе, по Лысым и Елховым горам, вдоль Луков и по Прогону раздался непонятный для обыкновенного человеческого разума грохот-шквал. Началось что-то вроде светопреставления. В Кимсайдаке так ухнуло-булькнуло, что озеро аж метров на пятьдесят вместе со всем тинно-озерным содержимым приподнялось вверх над талами и ветлами. Всю околосурскую землю мгновенно покрыл ужасный и пугающий мрак. У видавшего виды бесстрашного богатыря Ивана от страха разом все остомело. Как ему показалось, его тело отвалилось от его души...

Вскоре в какой-то миг озеро опустилось на свое прежнее место, успокоилось. Сквозь темень уже можно было рассмотреть слегка дрожавшие околокимсайдачные кусты и услышать приглушенные осторожные шепоты перепуганных лягушек в камышах. С торчавших как гвозди Ивановых волос на свое обычное место шлепнулся овчинный малахай.

Ошарашенный случившейся оказией Иван Дуболом помутневшими от недавнего страха глазами лихорадочно-быстро прошелся по взбаламученной поверхности седого озера. На озере, заметил Иван, продолжала дежурить почему-то им забытая единственная удочка. На огромном удилище натягивалась и натягивалась как струна лука толстенная леска, сплетенная из конских волос. Дуболом мигом схватил удилище, думая, что на крючке пудовая рыбина, и начал весь рыбацкий инструментарий недурехой волочь из воды на берег. Но не тут-то было!.. Леску, продолжавшую напрягаться, что-то перло в глубину Кимсайдака. Великан Иван всячески сопротивлялся этому странному действию, смысл которого он никак не мог докумекать.

Опершись о твердь кимсайдачного берега, Дуболом из всех своих могучих силищ, обхватив удилище-жердь огромными ладонями размером каждая с лопату, пытался вытянуть из Кимсайдака крепкую как корабельный канат

леску, а она, бестия, ни с места. «Какая-то дьявольская сила, видно, решила побороться со мной!» — проорал от ярости в озеро наперченным отборным кадышевским матом мужик Иван. Наш русский кадышевский мужик-сурчанин — мужик не так себе! Он мужик что надо: задуманное всегда упорно доводит до конца. Вот и наш Иван Дуболом решил во что бы то ни стало схватку с предполагаемой сатанинской силой докончить...

Тянет-потянет Иван леску-канат из Кимсайдака, а вытянуть никак не может. Делов оказалось полно. Трудно думал смекалистый кадышевский мужик над случившимся. И вдруг, как это с нашим русским мужиком частенько бывает, у него в сознании молнией блеснула мысль: придется все-таки залезть в озеро и тщательно прощупать все его содержимое. Иван так и сделал: сняв штаны, шаг за шагом, спотыкаясь о коряги, царапая ноги о ракушки, засасываясь густым вязким илом, чертыхаясь, пробирался он туда, где таилась загадка творившегося в Кимсайдаке природопомрачения в этот какой-то лукавый летний вечер.

Через десяток метров Иван Дуболом споткнулся, ухнувшись всем телом-громадиной в мутно-грязную воду озера, о какие-то необычно скользкие, сильно мохнатые длиннющие то ли лапы, то ли ноги, то ли еще что. Он яростно схватил это нечто своими ручищами-домкратами и, кряхтя и сопя, поволок на кочковатый заросший осокой и крапивой кимсайдачный берег. Озеро опять сначала вздыбилось, потом с шумом забурлило. В нем что-то стало ожесточенно биться, колотиться. Однако настроенного на победу Ивана уже нельзя было напугать. Он решил действовать до конца. Еще крепче ухватив своими ручищами чьи-то щупальцы-лапищи, Иван весь этот дрязг настойчиво волок на берег. И вот наконец-то пред ним, кривляясь и гримасничая, рыча и ворча, воя и хныча, предстало невообразимое страшилище. На кочках берега сидел самый настоящий черт. В своих чертовых конечностях он продолжал что-то под водой прятать. Дуболом что есть мочи резко хватил своими пудовыми кулачищами по чертовым конечностям. От этого неожиданного приема Ивана черт заорал на все околокадышевское пространство. Клешни-ручищи черта как в лихорадке забились и выпали

из озера. В тот же миг из Кимсайдака торопливо выпрыгнула, оглядываясь по сторонам, одновременно волнуясь и смеясь, обрадованная освобождением из чертового плена Луна.

Долго не раздумывая, Луна тут же вознеслась на Небо под восторженные мерцания мириад звезд. Благодарная освободителю своему Русскому Ивану-кадышанину Луна, усердно отпугивая с земли мрак, по всему Посурью щедро расплескала свой волшебный божественный свет. Душецелительные потоки поэтического лунного света разом залили и кадышевские душистые травяно-цветочные, соловьями и жаворонками населенные луга, и присурское былинное русское селение Покровское-Кадышево, и все, все по всей нескончаемой живописной округе. Лунное сияние вдохновило все живое, и оно, живое, запело, засветилось, заквакало, затрелило, застрекотало, замычало, закукарекало...

А черт? С тех пор никто из кадышан черта не видел. Его, говорят, тогда Иван Дуболом схватил за шкуру и так швырнул в Кимсайдак, что, видимо, черт навсегда унесся в тартарары, к себе в бездну, к нечистой силе...

Август-декабрь 1999 года

ВОЛШЕБНЫЕ МЕЛОДИИ КАДЫШЕВСКОЙ КЛУБНИЧНОЙ ГОРЫ

Этюд к поэме-сказке

Клубничной эту гору я называл всегда, познакомившись с нею в своем раннем счастливом посурском детстве. Она, гора эта, — добрая соседка Свальной горы и по народному паспорту именуется не Ягодная, а Плечистая: уж больно широка она в плечах, а остовом своим могуча.

Расположена гора Плечистая в гряде опрятных, природой тщательно ухоженных белогрудых, родниковой водой и душицей пропитанных холмов Кадышевского присурья, называемых горами Лысыми. Лысые горы в века славились обилием на них отменной клубники, особое изобилие этой ягоды всегда бывало на Плечистой горе. Клубнику с Лысых гор кадышане чалили лукошками.

Будучи совсем маленьким, мне было тогда еще пятьдесят лет, я уже, глядя на взрослых ягодников, тоже повадился ходить за клубникой на горы обетованные. Уходил из дома, навалив на себя берестяной кошель, еще до восхода солнышка, стадами, по утренней росе. Шел под музыку хора певчих птиц и мелодичное жужжание-стрекотание только что проснувшегося бесчисленного насекомого населения околкадышевских райских оазисов. Уже на подходе к Лысым горам, возле Бездонного родника, напротив Клубничной горы, гостеприимно встреченный веселыми жителями Сусликова Подгорного Царства, я, небесами замороженный и околوناгорной красотой плененный, с неопишуемым наслаждением любовался восходом из-за лесных чащоб Кузнечихи нашего благодетеля, доброго, всегда радостного Солнышка.

С восходом благодетеля Солнышка окрест, по всей живописной Кадышевско-Посурской благословенной земле, начинали благостно, умиротворенно разливаться мелодии величайшей, Всевышним сочиненной симфонии под искусным управлением Гениального Дирижера – Природы. Вот чудо-то какое творилось в это время на моей Родной земле! То Чудо подарило мне Сказку, в которой я остался жить навсегда, в этой сказке я счастливо живу и сейчас.

Расположившись поудобнее на траве, усеянной сладко пахнувшими цветками, у родника-ключа, аккуратно окруженного домиками забавных сусликов и особняками знатных граждан Лысогорья – сурков, я, немножко приуставший с дороги, приступил с наслаждением к первой, утренней, трапезе. Меню всякий раз одно и то же: увесистая горбушка круто посоленного черного подового хлеба, вареное куриное яйцо, пара печеных картофелин, штуки три душистых свежих огурца, несколько горстей ежевики, наспех собранной в прибрежных кустах, изобиловавших этой ягодой. Ежевичник бурно рос на берегах Верхней речки, берущей начало под Ларишными буграми километрах в трех от Лысых гор. Речка текла почти у меня под ногами, метрах в десяти от Бездонного родника, текла, минуя Лысые горы, торопясь скорее встретиться с Сурой-рекой.

Трапезничал я с большим аппетитом, уписывая за обе щеки, захлебывая пищу ключевой водой – целебным даром древних посурских меловых гор. Трапезничал под лучезарным Солнышком, около теплого тела Лысых гор, под божественные мелодии всего вокруг живого, земной жизнью радовавшегося. Эти мелодии всю мою жизнь во мне, я их непрерывно и явственно слышу, а то и ощущаю во сне и наяву, все грезы мои ими, живительными мелодиями моего Горного Детского Сказочного Царства, полностью пропитаны.

Я денно и ночью слышу музыку природы, доносимую до меня ангелами из Горного Царства, в коем прошли мои детские годы. Я слышу оттуда трели соловьиные, виртуозные напевы скворчиные, пенье жаворонка, шум вековых дубрав и березовых садов,

журчанье родниковой и речной воды, дуновение ветерка, жужжание пчел, стрекотание кузнечиков, перешептывание нагорных трав, шелест листьев, мелодичные попискивания сусликов, лосиный рев... Я слышу медовые запахи Клубничной горы и травяных полян, раскинувшихся по неоглядной территории Лысых гор и околысогорья. Я чувствую и днем, и ночью, и во сне, и наяву дыхание гор, покрытых душицей...

Мелодии моей Родины, моего Отчего края, моего Посурья, всегда во мне, они навсегда вошли в мою славянскую душу.

ЛОНО ЛЮБВИ

Не вымышленная мною Кадышевско-Сурская история

Мое неуемное детское любопытство чаще всего удовлетворяла моя сказочная бабушка Анисья Архиповна. К моим бесконечным расспросам бабушка всегда относилась серьезно и отвечала на них пространно и терпеливо. Лет, поди, с четырех я, как и все дети, начал интересоваться природой своего появления на Свет Божий, в мир людей, в присурское Кадышево, в Махотин заулук, в Родительский Дом. Бабушка на это отвечала всегда однозначно, просто, мне, несмышленьишу, понятно: “Ты, мой золотой, белокурый внучоночек мой, появился в чудный этот мир, Богом сотворенный, в его Заманиху подле Долгой горы, в тополиный Махотин оазис, в лопухи, прикрытые кустами рябины, солнечным июньским днем, тогда, как я помню, еще черемуха не совсем отцвела, а соловьи еще не завершили свой концертный сезон и всю свои райские песни распевали. Ты на радость всем нам явился из Лона своей Матери”. Такой бабушкин ответ разжигал мое непорочное воображение и неодолимо каждый день гнал меня в Заманиху, где я пытался искать подтверждение бабушкиным словам. В поисках свидетельств о своем рождении я по Заманихе и ее окрестностям шлялся днями...

Как-то, мне, наверное, тогда пять годков еще не исполнилось, я, до всего невероятно любопытный, от кого-то из наших кадышевских девок или парней услышал новое для себя слово “Любовь”. Запомнив это слово, я тут же помчался к бабушке Анисье за разъяснением его содержания и значения. Я настойчиво просил всезнающую божественную бабушку рассказать о слове “Любовь”,

о том, откуда Любовь к людям приходит и для чего она людям нужна. Застигнутая неожиданным вопросом врасплох, старенькая набожная, безгрешная труженица-крестьянка, жившая долгую жизнь по заповедям Господним, растерявшись от неожиданного для нее вопроса, недоуменно посмотрев по-доброму на меня, глубоко задумалась, что-то вспоминая, не торопясь, стала формулировать содержание своего ответа на совсем не детский вопрос пятилетнего внуочка. В те времена, помню я, как правило, в крестьянской среде интимные мысли на люди не выносились, сокровенное обсуждалось в кругу только очень близких людей. Об интимном говорить публично считалось грешно.

Бабушка все-таки решила удовлетворить мое детское любопытство и рассказать про Любовь. Вот что она тогда мне о Любви поведала: “Любовь, внучонок, это такое, милый мой, чего обычными словами, коими ты, ребенок, владеешь, трудно объяснить, тем более маленькому человечку, еще не имеющему никакого жизненного опыта. Что такое Любовь, ты узнаешь только тогда, когда она собою заполнит всего тебя. Такое время и для тебя обязательно наступит.

Любовь – Чувство, большое Светлое Чувство, которое в сложных коридорах жизни находит, блуждая по Земле, ведомая Небесами душа. Душа каждого человека находит этому человеку Любовь в уготовленном Богом для нее Лоне. Любому человеку, – продолжала беседу со мной, малышом, бабушка, – для зарождения Любви Всевышний отводит свое строго определенное Лоно, которое Божьей Милостью пропитывается добрым, нетлетворным, живительным Духом, привносимым в жизнь каждого человека его душой. Добрый Дух – явление емкое, неохватное, оно содержит в себе все земные и небесные красоты...

Жила в нашем Махотином заулке, – продолжала мне рассказывать про Любовь бабушка Анисья, – девица, писаная красавица, ума светлого, ангельского, своим родителям послушная, очарования небесного, вежливости несказанной. Звали ее Ариной Лебедушкой. Лебедушкой люди ее нарекли за ее лебединую, грациозную, воздушную

походку. Она как бы не шла, а лебедью белой плыла, восхищая этим все пятитысячное кадышевское население. Арина Лебедушка хороша была всем и во всем, не хватало ей только Любви. Она днями и ночами, томно вздыхая, ждала прихода к ней Любви, а Любовь почему-то все где-то задерживалась.

Как-то в ягодную июльскую пору Аринушка в Чигиришной чащобе сладку ягодку малину собирала, веселые песни распевая, восхищая своим песнопением все лесное население. Вдруг, неожиданно, из густых зарослей липника и березника вышла, крестясь и смиренно улыбаясь, святого облика старушка в странной, сотканной из всяких диковинных листьев и трав одежде. Лицо у старушки было доброе, блаженное, в сиянии чудном. Глаза излучали таинственный свет, душу непорочной девы Арины нежно всколыхнувший и что-то сладостное в ее девичьем сердце разливший. Сказочная бабушка, явившаяся перед очами Арины Лебедушки, продолжала, крестясь, ласково смотреть на красавицу Арину, незаметно оглядываясь по сторонам. И тут, откуда ни возьмись, полились песни чудные в исполнении птиц райских, над головой под живительными лучами солнышка завальсировали одетые в волшебную фату облака, из-за лесных зарослей, с полей, гор, лугов, из долов и оврагов полились в душу и сердце красавицы Арины пьянящие, зовущие в Небеса божественные запахи первозданной посурской природы.

Как потом узнала Арина Лебедушка, лесная бабушка была послана к Арине природой, чтобы сотворить для милой девушки Лоно Любви. На глазах у очарованной Арины бабушка неожиданно растворилась в воздухе лесного оазиса, а на том месте, где только что она стояла, возник дивной красоты юноша. Обескураженная от лучезарного взгляда юноши девушка, придя в себя, поняла, что в нее вошла Любовь долгожданная и так желанная, что ее посетило, поселившись в ней навсегда, то самое главное, без чего человек жить на земле не может, без чего род человеческий пожухнет, жизнь остановит свое движение”.

Вот какую поучительную историю поведала мне моя божественная бабушка Анистья Архиповна, Царствие Ей Небесное.

Декабрь 2005 года

СМЫШЛЕННЫЙ КАДЫШЕВСКИЙ КОТ-РЫБОЛОВ ФИЛИМОН

Затейливая история кошачьей жизни

Кот Филимон, закадычный друг моего Кадышевского детства, на удивление всей округи являлся котом особого достоинства, он знал себе высокую цену, частенько куражась перед своими собратями и даже перед заулочным народом.

Уважением Филимон пользовался у всех кошек и дворовых собак Махотина заулка, улиц Низовки и Чеке-ревки. Даже мыши к коту Филимону относились с каким-то особо подчеркнутым почтением. Всегда пушисто одетый, ухоженный Филимон смотрелся вальяжно. Роста Филимон был громадного, осанки величественной, ума необыкновенного, а хитрости несказанной. Одним словом, фигура! Ему ничего не стоило перехитрить любую живую тварь и выйти чистым из казалось бы самого безвыходного положения.

Жил Филимон, обогреваемый теплом своих сердешных хозяев, непростыми, нелегкими трудами, а не каким-нибудь тунеядством. Пример подлинного трудолюбия кот Филимон брал со своих хозяев-крестьян, которые кусок хлеба добывали трудами праведными, а не аферой, они, наблюдал кот, из тяжелейшего трудового хомута никогда не вылазили, смиренно с ним на шее ступали по дороге жизни.

Если хозяева самозабвенно и безмолвно, терпя полно всяких лишений, работали целый световой день, от восхода да заката солнышка, то кот Филимон трудился напролет всеми ночами, днями он, как правило, отдыхал: зимой на теплой русской печке, летом на плетневой заботливо ухоженной хозяевами избы завалинке, на

припеке, напоминавшем коту его историческую родину — Африку. Любил Филимон в теплые дни проводить свой отдых и на деревянной прогретой солнцем и пропитанной живительным тополино-яблонево-вишнево-картофельным духом крыше старенькой погребцы. Погребца чаровала кота тем, что она располагалась в зелени огородных культур: картошки, свеклы, капусты, тыквы, огурцов, помидор, моркови, их запахи сладко пьянили Филимонову душу. Немаловажно то, что подле погребцы стояло несколько раскоряк яблонь, в ветвях которых денно и ночно возилось сонмище воробьев, сорок, галок, других птичек, будоража собою кошачье охотничье воображение. Нередко, сказывал мне сам Филимон, от птичьего гомона-шума у него сладко кружилась голова.

С самого раннего детства кот Филимон, беря пример с людей-кадышан, увлекся рыбалкой, сначала легкой, а потом стал усердно осваивать и подледный лов рыбы, чему способствовали полыньи, проруби. Рыбачил Филимон как на Суре-реке, так и на ближайших от Махотина заулка луговых озерах, таких как Пурышка, Кимсайдак, Промзюк, Сотавка, Рассохвица. Бывало, доходил наш кот-рыболов и до Притворного, иногда заглядывал даже на Глубокое и Старую Суру. Постепенно, с возрастом, заботливый кот-труженик приобрел нужную, основательную снаровку, освоив множество хитростей рыбного промысла, став заправским кошачьих дел мастером.

Рядом с уютной, родной для кота Филимона избой с соломенной шапкой на крыше и плетневыми сенями метрах в двухстах от нее неспешно текла всегда в веселом настроении, деликатесной рыбой славущая по всей России степенная красавица Сура. С экзотического сурского берега, выбрав удобное для рыбалки место, и охотился смекалистый Махотин кот Филимон. На рыбалку кот пробирался сказочным проулком мимо глубокого оврага, сплошь заросшего крапивой, лебедой, бузиной, смородиной, рябиной, талами, репьями, колючками. Филимон шел, минуя десятки селений—муравейников. Дойдя до Суры, кот-рыболов, как правило, располагался на облюбованном для удачной рыбалки местечке под старой-престарой, всегда о чем-то ворчавшей ветлой,

лет сто тому назад еще маленькой ветелкой самостоятельно запятившейся впритык к Суре и всю свою жизнь услужливо сдерживавшей своими могучими корнями от обвала крутой глиняно-песчаный яр, значительное поселение стрижей и земляных пчел. Подле ветлы, у нее под ногами, постукивая камешками, шурша травой, брызгая водой, неустанно денно и ночью пробиралась из Махотина оврага, что под Долгой горой, в Суру шалунья речушка, в устье постоянно заглядывала ротозейка-бестолочь рыба. Случалось, в устье это заглядывали даже такие рыбы, как щука, жерех, соменок, язь. А уж такой рыбьей мелочи, как плотва и пескарь, сколько туда залетало!

Беспечностью большой и малой рыбы, ее ротозейством кот Филимон, смысленный рыболов, пользовался умело, мастерски пользовался. Я, как обычно, усаживался на здоровенный в зеленый мох одетый пенек и, не скрывая своего любопытства, с восхищением наблюдал за филигранными ухищрениями своего друга рыбака-кота.

Лапой, напоминавшей лапу льва, Филимон-рыбалов, прицелившись, точно рассчитав каждое свое движение, ловко, безошибочно наносил такой меткий, сильный удар по рыбе, глуша ее, что, бывало, даже коварная хищница щука весом до полпуда, забыв про всякую осторожность, увлекшись азартной охотой на мелкую рыбешку или на лягушаток маленьких, становилась добычей мастера-рыболова кота Филимона. Вот уж после такого удачного щедрого улова мой Филимон и пировал!

В Филимоновы рыболовные лапы нередко попадались и вяловатый жерех, и проказник окунь, и слегка кичливый ерш, и небестолковый пескарь, и непутевая стерлядка. Кот довольствовался рыбой всякой, ведь кроме удовлетворения рыбой своих личных потребностей он, будучи отцом и дедом громадного кошачьего семейства, исправно снабжал рыбой пищей еще и множество своих детишек и внучаток. В радении моему другу коту Филимону, отменному семьянину, отказать нельзя было, главой семейства он был что надо. Даже многие наши заулошные человеческие семьи пример радения ста-

рались брать с заботливого, умелого на все лапы кота. У людей во многих семьях даже при живых родителях дети оказываются сиротами, безродными маленькими человечками, неухоженными, голодными, холодными, сумрачными, безпризорными...

Случалось нередко, я охотно сопровождал своего друга Филимона на рыбалку и на какое-нибудь луговое озеро. Мы ходили туда и летом, и зимой, и в дождь, и в обильный снегопад, и ранним росистым утром, и когда вечерело, на закате за сосновый бор солнышка. Особо большое удовольствие от луговых прогулок мы получали, конечно, летним днем под теплыми лучами нашего посурского обаятельного, очаровательного, благодетельного солнышка. В это время окрест, во всем сказочном озерно-луговом-ветлово-кустарниковом пространстве, все летало, порхало, пело, свистело, трещало, свиристело, квакало, жужжало, цвело, сладко пахло духом трав, цветов, клубничника, меда, шелестело, прыгало, крякало, каркало, плескалось, булькало. Филимон, возбудившись нескончаемыми причудами луговой райской жизни, очаровавшись природной первозданной луговой живописью, по траве, кустам, по кочкам опретью то туда то сюда носился, блаженно кувыркаясь, валялся в сочной траве, кого-то, стремглав догонял, от кого-то ошалело убегал, что-то травяное жевал. Затейливые эти пируэты моего очаровательного неугомонного друга надо было видеть для того, чтобы их на всю жизнь запомнить и всю жизнь ими восхищаться!..

Ближе к озеру мы уже двигались вдоль Ближней заводи, волшебного протока, берущего свое начало в водообильном Промзюке и впадающего в Суру. Ближняя заводь — чудо-оазис, своими красотами восхищавший все поколения кадышевского славянского народа и осветлявший их души благодетельными, живительными, омолаживающими запахами шиповника. Неспешным шагом идем, приближаясь к Промзюку, а вокруг красотища несказанная! Земной рай да и только! На живописный промзючно-околопромзючный пейзаж гениальный художник Природа уж красок своих не пожалела, на

мастерство ювелирное не поскупилась, не сэкономила и на фантазиях. В воплощении великого посурского шедевра Природе-живописцу способствовали Небеса.

Вот мы и подошли вплотную к Промзюку-озеру, одному из любимых детищ Священной Суры, озеру, хранящему в себе уйму таинств. Перед нами во всем своем величии предстало большущее синее-синее озеро с опрокинувшимся в него бездонным небом, с солнцем посредине него, с плававшими по небу затейливыми облаками. Нас с Филимоном Промзюк встретил радушно, приветливо, в отличном настроении. На поверхности озера то тут то там красовались ухоженные поля чародейных лилий-кувшинок с вальяжно восседавшими на них неостанавливаемо музицировавшими лягушками в разноцветных камзолах и платьяцах. Очарованные увиденным, мы с Филей долго не могли прийти в себя. Красота озера нас заколдовала.

По берегам Промзюка, не окинуть взглядом, в затейливом сплетении кружев хмеля, разных других диковинных трав душистые плодами кусты смородины, шиповника, боярышника, крушинника, ежевики. Вдоль Промзючного берега, куда ни глянь, многокилометровые заросли-чащи камыша, тальника, осоки. Чащи эти до предела напичканы рыбой, особенно щуками, на что тут же рыбак Филей обратил свое кошачье внимание. В чащах-зарослях полным-полно ужей, ондатр, енотов, выхухолей...

Местом для рыбалки стала могучая коряга-карша ростом метров пять, а в обхвате, поди, не менее трех метров. Корягу эту все звали Чернодубом за ее дубовое происхождение. Род ее исходит из древней дубовой рощи, жизнелюбивой и вольготно когда-то шумевшей в этих благословенных краях на территории нынешнего Промзюка и смежных с ним озер. Кряжистая коряга Чернодуб одной частью пребывала в озерной воде, другой, высунувшись из воды, возлежала на ее поверхности. Густой всегда о чем-то шептавший камыш, проросший сочной осокой, корягу старательно и умело укрывал, делая ее невероятно привлекательной в живом мире.

Филимону, всегда любившему экзотику с мерещившимися мистическими картинками, такой коряжий вид не мог не понравиться, кот балдел от него.

Подойдя поближе к коряге, облюбованному рыболовом месту, мы тут же заметили возле него большое скопление рыбы. Кот Филимон, возбуждись от предвкушения богатого улова, немедленно забрался на корягу и, прикрывшись для маскарада пучком осоки, лихорадочно стал ждать удобного момента для поимки рыбы. И вот наконец-то такой момент настал: сразу несколько рыбин — целая стая подлещиков, играя друг с другом в теплой озерной воде, почти целиком выпрыгивая из нее, хвалясь своими чешуйчатыми нарядами, подлетела-подплыла вплотную к коряге, на которой вожделенно, затаив дыхание, одурев от рыбацкого азарта, восседал смысленный кот-рыболов. Видя перед собою, в нескольких сантиметрах от себя, такой умопомрачительный водевиль, Филка, впав в неудержимый экстаз, в мгновение мобилизовав всю свою кошачью энергию, выбрав нужную для себя цель, не мешкая, по-кошачьи стремительно обхватил своими передними лапищами, как кузнечными тисками, самого увесистого из всех рыбин подлещика. Кот, вытащив добычу из воды, как ошалелый, подпрыгивая от радости, побег с ней в кусты, где надежно припрятал до нашего отбытия от озера. “Вот это да!” — ликующе воскликнул я, обнимая, целуя и нежно глядя своего радостного друга Филимона. В ответ на мои ласки кот, что-то мне сладко промурлыча, вновь посеменял на корягу. И опять удача! Рыбак вновь поймал рыбину, да еще какую! На этот раз в его лапы попал фунтов на пять щуренок. Мы, увлекшись рыбалкой, и не заметили, что солнышко уже в зените: пора двигаться в сторону Кадышева, к себе в избу, где нас, поди, заждалась бабушка, домовничавшая в отсутствие моих родителей, кои ежедневно весь световой день трудились на колхозных полевых или луговых работах.

Забравшись в кусты, мы наспех в них подзакусили: Филимон какой-то таинственной целебной для кошек травой, я ежевикой, черной смородиной. Выйдя из зарослей кустов на поляну, я вволю лакомился луговой

клубникой, а кот ел вкусные яйца жаворонка – ими была сплошь усеяна вся клубничная поляна. В Суре мы искупались, после купания в целебной воде поблаженствовали на белокипennem Сурском песке в окружении листьев мать-и-мачехи, лопухов, талов и, забавляясь друг с другом, пошли в свой Махотин заулоч, где наш всегда гостеприимный, уютный Дом, а рядом с ним конный двор, родительский огород и сказочная Заманиха с Долгой горой, оврагом под ней и тропой на нее...

*Начало декабря
2005 года*

*ИЛЛЮСТРАЦИИ К ДОБРЫМ СУРСКИМ
СКАЗКАМ, ВЫПОЛНЕННЫЕ УЧЕНИКАМИ
КАЗАНСКОЙ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ШКОЛЫ № 1 «ГАЛАТЕЯ»*

*(руководители школы Э.И.Сафиуллин
и Л.В.Сафиуллина, педагог С.В.Казанцева)*

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМАНИХА, или Возвращение к родникам кадышевского Посурья	3
ТАРАСОВА ГОРА	15
СУРСКАЯ РУСАЛОЧКА	22
СУРСКОЕ КОРЯЖЬЕ ЦАРСТВО.....	30
АРХИП ПО ПРОЗВИЩУ ЧИГИРЬ, ДРУГ ТАРАСА КАДЫШАНИНА, ТОЖЕ РУССКИЙ БОГАТЫРЬ.....	35
СКАЗКА О ТОМ, КАК В КИМСАЙДАКЕ ОДНАЖДЫ СЛУЧИЛАСЬ НАСТОЯЩАЯ ЧЕРТОВЩИНА	38
ВОЛШЕБНЫЕ МЕЛОДИИ КАДЫШЕВСКОЙ КЛУБНИЧНОЙ ГОРЫ	44
ЛОНО ЛЮБВИ	47
СМЫШЛЕННЫЙ КАДЫШЕВСКИЙ КОТ-РЫБОЛОВ ФИЛИМОН	51

Николай Васильевич Нарышкин (Махотин)

ДОБРЫЕ СУРСКИЕ СКАЗКИ

Художник *С. А. Андрианов*
Технический редактор *Н. Ф. Гимадеева*
Корректор *Л. И. Сатрутдинова*

Подписано в печать 12.12.2005. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Кудряшов». Печ. л. 3,0. Тираж 1000 экз.

Издательство «Дом печати»
420111, Казань, ул. Баумана, 19.